

Кадка, в которую угодил Ланьдун, была совсем небольшой, но для крошечного, только-только вылупившегося дракончика она казалась глубоким бассейном.

Причём невероятно глубоким.

К счастью, вокруг стоял такой невообразимый гвалт, что всплеска никто не услышал.

Погрузившись с головой, малыш знатно нахлебался хмеля. Он отчаянно заработал лапами, сиюсь выплыть из янтарного, пахнущего солодом варева; по пивной глади пошли круги, а из глубины с шумом вырвались крупные пузыри.

[Магия! Дракончик! Твоя магия сейчас рассеется, а-а-а-а!]

Система запаниковала.

Полупрозрачное тело Ланьдуна стремительно обрело прежний окрас. Он сразу понял: дело плохо.

«Сейчас меня все увидят!»

Впрочем, бесславная гибель на дне пивной бочки пугала его куда сильнее позора.

Для истинного дракона утонуть в выпивке — позор немыслимый и нелепый.

Ланьдун лихорадочно открыл инвентарь в надежде отыскать хоть какое-нибудь спасительное средство.

Есть!

[Умница, дракончик! Эта игрушка предназначена для ванны, она отлично держится на воде!]

Из ниоткуда возник ярко-жёлтый резиновый утёнок. Ланьдун мёртвой хваткой вцепился в него лапами и вместе с игрушкой устремился к поверхности.

Крохотная чёрная голова дракончика с шумом вынырнула из пива.

Не успел он сделать и глотка свежего воздуха, как столкнулся взглядом с дородной деревенской женщиной.

— Ой! — взвизгнула та. — Это ещё что за чудище?!

Ланьдун перепугался ещё сильнее. В его прежнем мире люди безжалостно уничтожали случайно найденных детёнышей драконов. Превентивная мера — чтобы, упаси боги, монстр не вырос и не испепелил их дома.

Маленький чёрный дракон пулей выскочил из бочки, съехал по скатерти на пол и припустил прочь со всей прытью, на какую был способен.

Но происходило нечто странное.

Ноги той толстухи почему-то двоились и троились в глазах, превращаясь в целый лес из чужих конечностей.

Людская толпа вокруг росла, кольцо сжималось, и со всех сторон доносился оглушительный гомон.

В воображении напуганного Ланьдуна эти крики звучали примерно так:

«О боже! Какой кошмар! В нашей деревне объявился свирепый чёрный дракон!»

«Сегодня я точно не усну! Нужно немедленно собирать вещи и бежать отсюда вместе с семьёй!»

«Он же сожрёт нас всех! Или спалит наши дома дотла своей проклятой магией! Надо изловить его, пока не поздно, и прирезать! Кто-нибудь, возьмите топор и покончите с этим отродьем ради всеобщего блага!»

На деле же жители деревни Сино впервые в жизни видели настоящего живого дракона:

— Мама, мама, смотри! Какой смешной чёрный колобок по полу катится!

— Глупости, никакой это не колобок. Глянь-ка, у него четыре лапки... Бедняжка совсем перепугался, аж к полу прижался.

— Ой, прелесть какая! Это летучая мышка? Да нет, не похож вроде...

— Дубина, это же дракон! Самый настоящий! Теперь-то заживём!

— Какая у него упитанная попка и хвостик толстенький! Я думал, драконы все в чешуе, а этот такой мягонький, пухленький.

— Так он же совсем кроха. Потерялся, наверное, сиротка. Может, приутим беднягу?

Ланьдун, не понимавший ни слова на всеобщем человеческом языке, уловил лишь одно знакомое слово: «мясо».

«Пропал! Эти двуногие твари мало того что хотят меня поймать, так ещё и сожрать живьём вознамерились!»

От выпитого хмеля голова у крошечного дракончика шла кругом. Запнувшись о собственный тяжёлый хвост, он с жалобным скулением растянулся на земляном полу.

Больно-то как!

Селяне затаили дыхание. Малыш приподнял голову, и в его круглых алых глазках заблестели крупные слёзы.

Но уже в следующее мгновение кроха сердито распахнул пасть и с воинственным шипением выплюнул в сторону обидчиков крошечный огонёк.

— О-о-о! — дружно выдохнула толпа и разразилась буйными аплодисментами.

Настоящая магия! Да ещё и огненная — их любимая!

Пользуясь тем, что люди отвлеклись на восторженные возгласы, Ланьдун юркнул в щель между сапогами и на этот раз благополучно удрал.

Выбравшись из шумного шатра на ночную лужайку, он кубарем покатился по траве. Тело налилось свинцовой слабостью, в голове шумело, а изнутри накатывал такой жар, что безумно хотелось выплюнуть ещё пару-тройку огненных шаров.

[Ой-ой-ой, это всё из-за пивной бочки! QAQ]

[Ты ведь ещё совсем крошечный, детский организм просто не справляется с таким крепким алкоголем!]

Сквозь туман, застилавший взор, дракончик различил под раскидистым деревом, усыпанным палой листвой, седовласого старца.

[Это дедушка-епископ! Он хороший, мы уже виделись с ним в соборе.] — поспешила успокоить Система вздрогнувшего от испуга дракончика.

— Иди сюда, малыш, здесь тебя никто не побеспокоит, — добродушно улыбнулся епископ, поглаживая пышную белоснежную бороду. — Надо же, какое совпадение. Буквально минуту назад я беседовал с твоим господином эльфом.

Удивительно, но, как и в их первую встречу, этот старик излучал удивительное спокойствие, умиротворявшее даже хмельную драконью душу.

Без сил, пошатываясь от усталости и выпитого солода, Ланьдун дополз до епископа и повалился на мягкий ковер из листьев, жалобно поскуливая:

— У-у-у...

— Не бойся, — мягко произнёс старец, прекрасно понимая причину его паники. — Жители деревни полюбили тебя с первого взгляда. Никто не причинит тебе вреда.

Дракончик упрямо мотнул головой и спрятал нос в пушистый хвост. Веки горели от хмельного жара.

«Врут всё. Меня только что чуть на шашлык не пустили».

— К тому же, твой эльф всегда убережёт тебя от невзгод, — добавил старец.

«Почему... он мой эльф?» — Ланьдун недовольно дёрнул кончиком хвоста.

На душе стало как-то странно — и тепло, и одновременно чуточку досадно.

Он не верил, что между ними возможна искренняя связь.

В прежнем мире Ланьдуна дружба эльфа и дракона граничила с безумием. Даже если эти расы не воевали, то всё равно предпочитали держаться друг от друга как можно дальше.

Оба народа, невероятно могущественные и практически бессмертные, славились высокомерием и холодностью. Они могли снизить до помощи слабым, но никогда не пошли бы на союз между собой.

Именно поэтому Ланьдун постоянно искал подвох в заботе Лейвина и при первой же возможности пытался сбежать.

— Позволь мне рассказать тебе его историю, — старец устремил взор в усыпанное звёздами небо. — Быть может, тогда ты всё поймёшь. Я ведь знаю этого мальчика уже много лет... Как же быстро летит время, не поймать, не воротить...

— Он пришёл в наши края суровой зимой, один-одинёшенек, и с тех пор ни разу не покидал Сино.

— Всё его прошлое покрыто мраком. Никто не знает, откуда он родом, что пережил и как его настоящая фамилия... Если честно, он и сам этого не помнит.

Малыш приоткрыл заспанную мордочку, блеснув из-под хвоста одним рубиновым глазом, в котором отражался лунный свет.

— Из-за какого-то несчастного случая он начисто лишился памяти. Скитался по свету неприкаянным призраком, пока не обрёл здесь покой.

— Но была вещь, которую он помнил вопреки всему. Он доверял мне, а потому открыл этот секрет лишь мне одному. Теперь я делюсь им с тобой, ведь эта тайна касается вас обоих, — епископ ласково посмотрел на притихшего дракончика. — Лейвин поведал, что в обители эльфов хранится древняя, бесконечная Книга Пророчеств. В день, когда на свет рождается новый эльф, на её страницах проявляется его личное предназначение.

Ланьдун моргнул. Он чувствовал, как в груди, прижатой к тёплому хвосту, глухо застучало сердце.

— Ты ведь уже догадался, смышлёный малыш? — улыбнулся старик. — Ты стал для него первой сказкой на ночь, которую он услышал задолго до того, как научился читать.

А когда наконец выучил буквы, то сам, бережно листая пожелтевшие страницы, раз за разом перечитывал эти строки.

«Какая... глупость».

«Что же там было написано? Насколько подробно? И... есть ли у этой сказки счастливый конец?»

Но затуманенный хмелем разум дракончика не мог до конца переварить услышанное.

— Думаю, когда ты подрастёшь, он сам обо всём расскажет, — старец ласково погладил чешуйчатую спинку. — А пока расти здоровым и счастливым.

Пока Лейвин пробирался к постоялому двору с огромным подносом, ломившимся от сочного жареного мяса, весть о «крошечном чёрном драконе, плюющем настоящим пламенем», уже облетела каждый закоулок Сино.

Жители деревни Сино, не чаявшие души в сплетнях и байках, смаковали эту новость на все лады. Кое-кто от избытка чувств даже взбирался на столы, в красках расписывая и показывая

на себе «ужасающего» зверя.

Лейвин пробирался сквозь веселящуюся толпу, тщетно пытаясь разглядеть в суматохе своего питомца. Виски ломило от накатывающей мигрени.

«Дубиду... Ну что за несносный проказник!»

Эльф понятия не имел, как этому мелкому сорванцу удалось выбраться из запертой комнаты, а уж новость об огненной магии и вовсе застала его врасплох. Самое досадное — все увидели это раньше него самого.

Его величайшая тайна, которую он так тщательно оберегал от чужих глаз, внезапно стала всеобщим достоянием.

Разумеется, вечно прятать дракона под одеялом не получилось бы — рано или поздно Ланьдун вырос бы из детских размеров.

Но всё произошло слишком... чересчур стремительно.

Обойдя все лотки и навесы с едой, Лейвин наконец вышел на залитую лунным светом поляну.

Никто вокруг не заметил, как в изумрудных глазах господина эльфа промелькнула грустная, щемящая тоска.

Вдруг толпа на поляне оживилась. Люди начали перешёптываться, указывая пальцами наверх.

Тёмный небосвод прорезала яркая вспышка. С тихим хлопком в вышине распустился крошечный огненный бутон.

За ним последовал целый сноп разноцветных искр: лазурных, розовых, золотистых, багряных и белоснежных.

— Какая красота! — восхищённо вздыхали крестьяне. — Надо же, в честь праздника ещё и фейерверк устроили! Вот так сюрприз!

И лишь Лейвин сразу понял, откуда взлетают эти огни. Источник находился под тем самым вековым дубом, где он недавно беседовал с епископом.

Эльфийский шаг лёгок и быстр. Бесшумно скользнув в тень ветвей, Лейвин обнаружил сладко спящего в куче золотой листвы дракончика.

Малыш сопел во всю мочь. Видимо, его слегка продуло на ночном сквозняке: каждый раз, когда он забавно всхрапывал, между двумя его крошечными рожками собиралась кучка весёлых искр.

А затем с негромким хлопком они устремлялись ввысь, рассыпаясь над кронами деревьев праздничным салютом.

Лейвин с минуту мягко улыбался, глядя на это зрелище, после чего осторожно опустился на колени и взял соню на руки. В ту же секунду в нос ему ударил стойкий, сильный дух перебродившего пива.

«Ну и чудик...»

Набитый до отказа животик дракончика округлился, от мягкого тельца исходил приятный жар, а из ноздрей по-прежнему вылетали микроскопические искры.

Очередной огонёк сорвался с рожек, но, так и не долетев до неба, угас на лету. Малыш недовольно завозился и приоткрыл глаза.

В груди у эльфа защемило от внезапного страха. Его до боли напугала мысль, что этот непоседливый кроха может однажды исчезнуть навсегда.

Он бережно прижал его к груди, боясь, однако, сдавить слишком сильно.

Ланьдун сонно заморгал, уловив родной и такой знакомый аромат.

Он потянулся крошечной чёрной лапкой к сияющему золотому локону Лейвина, крепко вцепился в него и сладко уткнулся носом в тёплую эльфийскую грудь.

Хмель всё ещё туманил драконью голову. Малыш приоткрыл пасть и ласково, по-детски пролепетал:

— На... Нана...

<http://bllate.org/book/18363/1796806>